

VII.

"Онъ проповедовалъ любовь враждебнымъ словомъ отрицанья". Съ отрицанія, конечно, и долженъ былъ начать всякій передовой житель эпохи борьбы за освобожденіе. Но если Некрасовъ и после того, какъ "порвалась цепь великая", вместо ликующихъ гимновъ продолжалъ прежнюю отрицательную работу, будя общество тревожнымъ вопросомъ: "народъ освободенъ, но счастливъ ли народъ"?-- то и въ этомъ отношеніи онъ не занималъ исключительнаго положенія среди нашихъ лучшихъ писателей. По общимъ условіямъ нашей гражданственности только такая работа и была у насъ возможна: развитіе положительной стороны передоваго міровоззрѣнія встречало всегда неодолимые препятствія...

"Иныхъ временъ, иныхъ картинъ провижу я начало въ случайной жизни береговъ моей реки любимой",-- мечтаетъ поэтъ въ маленькой поэме "Горе стараго Наума: - освобожденный отъ оковъ, народъ неутомимый созреетъ; густо заселить прибрежныя пустыни; наука воды углубять... По гладкой ихъ равнине суда-гиганты побегутъ несчетною толпою, и будетъ вечень бодрый трудъ надъ вечною рекою!.. Мечты!.. Я верую въ народъ..." Если не считать следующихъ затемъ строкъ выразительныхъ точекъ, то нарисованную въ приведенныхъ стихахъ картину грядущаго народнаго счастья нельзя не признать довольно-таки смутной... Кого, однако, винить въ этомъ?..

Не разъ упрекали Некрасова въ томъ, что онъ и современную ему действительность изображалъ одними мрачными, отрицательными красками, не видя въ ней решительно ничего светлаго, отраднаго. Но эти упреки, конечно, одно сплошное недоразумѣніе. Некрасовъ виделъ и зналъ то положительное, что было въ жизни. Такова хотя бы целая галлерей обаятельныхъ портретовъ народныхъ заступниковъ и печальниковъ, нарисованныхъ Некрасовымъ въ ряду его произведеній: Грановскій, Белинскій (непосредственъ и въ образе Крота въ "Несчастныхъ"), Добролюбовъ, поэтъ-семинаристъ Гриша, Ермила Гириный, Саша (этотъ прелестный степной цветокъ, еще не вполне распустившійся; "Дедушка", герои и героини стихотвореній "Пророкъ", "Кузнецъ", "Ты не вабыта", собственная, наконецъ, мать поэта (въ поэме "Мать"). Но главнымъ положительнымъ героемъ Некрасова является, самъ русскій народъ. Мы только что привели признаніе поэта: "Мечты!.. Я верую въ народъ". Въ устахъ Некрасова это не красивая только фраза, а действительная "мечта" изстрадавшагося сердца, его последнее убежище и святыня.

Воспевать народныя страданія поэтъ началъ, какъ мы видели, рано, съ перваго же стихотворенія, создавшаго ему известность, но нота настоящей влюбленности въ народъ зазвучала въ его стихахъ не сразу. Когда, по окончаніи Крымской войны, всемъ стало ясно, что идти дальше по пути мрака и застоя Россія не можетъ, не рискуя своимъ историческимъ существованіемъ, общество русское вдругъ поняло, что есть *некто*, чьи интересы въ тысячу разъ важнее для блага и счастья родины, чѣмъ интересы небольшой своекорыстной кучки дворянъ. То былъ великій историческій моментъ... Могучая общественная волна подняла и Некрасова; въ поэзіи его, более свободно звучавшей теперь, чѣмъ въ сороковые годы, появились новыя - то гневныя, то восторженныя ноты... Одно за другимъ, стали выходить въ светъ наиболее сильныя и характерныя его произведенія {"Тишина", "Размышленія у пар. подъезда", "Въ столицахъ шумъ", "Ночь", "На Волге", "Дерев. Новости", "Крестьянскія дети", "Похороны", "Коробейники", "Свобода", "Зеленый шумъ", "Въ полномъ разгаре страда", "Орина", "Морозъ - Красный носъ", "Жел. дорога", "Съ работы"}. Къ сожалѣнію, размеры настоящей статьи не позволяютъ намъ распространиться о томъ, какую видную роль сыграли эти произведенія въ возникновеніи и развитіи того замечательнаго идеалистическаго движенія въ нашей литературѣ, которое известно подъ именемъ народничества. Не даромъ такъ любилъ Некрасова одинъ изъ главныхъ его представителей - Г. И. Успенскій {Быть можетъ, не мешаетъ оговориться, что концомъ движенія (въ настоящемъ, чистомъ его виде) мы считаемъ закрытіе "Отеч. Записокъ" въ апрѣле 1864 г.}...

Но какъ же, собственно, рисовалъ себе Некрасовъ выступившаго на историческую сцену "прекраснаго незнакомца"? Не виделъ ли онъ въ народѣ, подобно славянофиламъ-почвенникамъ, особую мистическую подоплеку, делающую его народомъ-избранникомъ, образцомъ и поученіемъ для "гнилого" Запада? Ради великихъ страданій, выпавшихъ на долю народа, не закрывалъ ли Некрасовъ глазъ на его теневыя, отрицательныя стороны? Ничего подобнаго. Ни кваснаго, ни мистическаго элемента нѣтъ и следа въ любви Некрасова къ

народу, доходящей порою до восторженного удивления, но остающейся всегда здоровой и трезвой.

Въ рабстве спасенное
Сердце свободное -
Золото, золото
Сердце народное!

Вотъ что въ особенности привлекаетъ поэта къ русскому народу: его гуманность, терпимость даже къ врагу, его героическая бодрость въ страданіи.

Его ли горе не скребетъ?
Онъ бодръ, онъ за сохой шагаетъ,
Безъ наслажденья онъ живетъ,
Безъ сожаленья умираетъ.
Его примеромъ укрепись,
Сломившійся подъ игомъ горя.
За личнымъ счастьемъ не гонись
И Богу уступай, не споря!

Пресловутое мужицкое терпение, которое въ минуты отчаянія поетъ самъ клеймить не разъ именемъ рабскаго отупения, въ моменты более спокойные представляется ему свойствомъ того же, спасеннаго въ рабстве, "золотого" сердца. Это - не холопство, не нравственное падение, а, напротивъ, результатъ сознанія своей могучей стихійной силы, которую никакое испытаніе сломить не можетъ, беззаветной веры въ конечное торжество правды, глубокаго чувства общественной солидарности, наконецъ, органическаго отвращенія къ насилію, природнаго добродушія...

Княгиня Волконская, по дороге къ мужу-декабристу оскорбленная офицеромъ-бурбономъ, заходитъ въ убогую сибирскую церковь и проситъ попа отслужить молебенъ.

За что мы обижены столько, Христось,
За что поруганьемъ покрыты?
И реки давно накопившихся слезъ
Упали на жесткія плиты.

Толпа богомольцевъ-простолюдиновъ остается молиться вместе съ нею..

Казалось, народъ ною грусть разделяль,
Молясь молчаливо и строго,
И голосъ священника скорбью звучаль,
Прося объ изгнанникахъ Бога.
Убогій, въ пустыне затерянный храмъ!
Въ немъ плакать мне было не стыдно,
Участье страдалцевъ, молящихся тамъ,
Убитой душе не обидно!

И въ другой разъ, при мысли о народе, изъ измученной груди княгини вырываются следующие трогательныя слова, несомненно выражающія мысль самого поэта:

Быть можетъ, вамъ хочется дальше читать,
Да просится слово изъ груди:
Помедлимъ немного... Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дороге, въ изгнаньи, где я ни была,
Все трудное каторги время -
Народъ! я бодрее съ тобою несла
Мое непосильное бремя.

Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужія печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои ужь давно тамъ упали!..
Ты любишь несчастнаго, русскій народъ...

Превосходными образчиками гуманности этого народа и его способности сочувствовать всему живому и страдающему служат два прекрасныя стихотворенія Некрасова: "Похороны" (отношеніе крестьянина къ захожему человеку, который по неизвестной причине наложилъ на себя руки) и "Съ работы" (голодный крестьянинъ прежде всего заботится о томъ, чтобы была накормлена его голодная лошадь). Съ редкимъ добродушіемъ и терпимостью выслушиваютъ некрасовскіе мужики (въ "Кому на Руси ж. х.") самозащиту помещика и попа, которыхъ не имеютъ, повидимому, особенныхъ причинъ любить и жаловать, а выслушавъ, признаютъ въ этой защите долю правды и решаютъ выключить попа и помещика изъ списка предполагаемыхъ счастливицевъ.

Такое пониманіе "сердца народнаго" не мешаетъ Некрасову, какъ мы уже говорили, ясно видеть все недостатки и даже пороки народа, и прежде всего - его умственную темноту и заскорузлое невежество, делающія его способнымъ на поступки, о которыхъ въ лучшемъ случае только и можно сказать: *sancta simplicitas!* какъ о той старухе, которая, желая угодить Богу, принесла вязанку дровъ на костеръ Гусса. Достаточно указать на стихотвореніе "Такъ, служба! самъ ты въ той войне дрался - тебе и книги въ руки", где рассказывается ужасная исторія идіотски-добродушнаго избіенія мужиками целой семьи пленныхъ французовъ. Стихотвореніе это подвергалось не разъ ожесточеннымъ нападкамъ "патріотической" критики, какъ грубая фальшь и чуть-ли даже не злостная выдумка на народъ, и поэтъ, очевидно внявъ ей, отнесъ въ конце концовъ пьесу въ отдѣлъ "Приложеній". Между темъ, въ доказательство того, что сюжетъ ея не придуманъ, что въ "великомъ" двенадцатомъ году подобныя исторія случаться могли, можно бы привести аналогичную исторію, рассказанную Тургеневымъ въ "Однодворце Овсянникове" ("Зап. Охотника"). Сравнивъ две эти исторіи, мы видимъ, что у Некрасова есть нечто, если не оправдывающее, то, по крайней мере, объясняющее ужасный поступокъ крестьянъ: они убиваютъ француза, очевидно, въ порыве "патріотическаго" озлобленія:

Поймали мы одну семью,
Отца да мать съ тремя *щенками*:
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не изъ фулеи - кулаками!

А дальше въ убійцахъ просыпается человеческое чувство сожаленія, хотя и нашедшее себе исходъ въ уродливо-дикомъ, ужасномъ поступке. У Тургенева дело происходитъ несравненно проще и, потому, ужаснее. Крестьяне Смоленской губерніи, поймавъ "француза" Леженя, не "тотчасъ ухлопываютъ" его, а запираютъ на ночь въ пустую сукновальню и лишь на утро приводятъ въ проруби и предлагаютъ "уважить" ихъ - нырнуть подъ ледъ речки Гнилотерки. Французъ, конечно, упрямится; тогда мужики, не оставляя добродушной насмешливости, начинаютъ поощрять его "легкими" толчками въ шею... Патріотическое озлобленіе до такой степени отсутствуетъ, что когда пріезжій помещикъ предлагаетъ крестьянамъ въ качестве выкупа за Леженя двугривенный на водку, они отвечаютъ ему хоромъ: "Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его".

Но если стихотвореніе "Такъ служба!" далеко отъ идеализаціи русскаго народа, то надо сказать, что оно не единственное у Некрасова. Можно отыскать не мало страницъ въ его произведеніяхъ, где рисуются даже прямо отталкивающіе нравы и типы народныя: "Тройка", "Проводы", "Кумушки", "Власъ" (до его перерожденія), "Крестьянскій грехъ" въ "Пире На весь міръ"; отнюдь не могутъ быть названы идеализированными, и такія лица какъ Ванька и Тихонычъ, главные герои "Коробейниковъ" (этой лучшей народной поэмы Некрасова)

За всею темъ, не подлежить, конечно, спору, что достоинства народнаго характера безконечно перевешиваютъ въ глазахъ, нашего поэта все недостатки и пороки. И въ общемъ поэзія Некрасова можетъ быть разсматриваема именно, какъ сплошной восторженный гимнъ

русскому народу. Для иллюстрации это за положенія намъ пришлось бы выписать чуть не лоловину его книги... Чемъ, напримеръ, инымъ, какъ не гимномъ крестьянскому труду, следуетъ назвать всю поэму "Морозъ-Красный Носъ"? Какой теплотой и любовью дышетъ каждый штрихъ хотя** бы этой прелестной, изумительной по реальности красокъ, картинки летней крестьянской работы:

Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ соседнихъ полосъ у реки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела съ морковкой въ руке.
Телега, скрипя, подъезжаетъ -
Савраска глядитъ на своихъ,
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
- Богъ помощь! А где же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
"Въ горохахъ" сказала старуха.
- Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ. - Чай не рано?
Испить бы... - Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ белаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ темъ отозвался:
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бегущимъ зеленымъ кустомъ.
Бежить!.. У, бежить постреленокъ,
Горить подъ ногами трава...
Гришуха черёнъ, какъ галчонокъ,
Бела лишь одна голова...
Машутка отцу закричала:
- Возьми меня, тятка, съ собой!--
Спрыгнула съ мешка и упала,
Отецъ ее поднялъ: "Не вой!
Убилась - не важное дело.
Девчонокъ не надобно мне,
Еще вотъ такого пострела
Рожай мне, хозяйка, къ весне!
Смотри же!.." Жена застыдидась:
- Довольно съ тебя одного!
(А знала - подъ сердцемъ ужъ билось
Дитя)... "Ну, Машукъ, ничего!"
И Проклушка, ставъ на телегу,
Машутку съ собой посадилъ;
Вскочилъ и Гришуха съ разбегу,
И съ грохотомъ возъ покатилъ.
Воробушковъ стая слетела
Съ сноповъ, надъ телегой взвилась
И Дарьюшка долго смотрела,
Отъ солнца рукой заслонясь,
Какъ дети съ отцомъ приближалась
Къ дымящейся риге своей,
И ей изъ сноповъ улыбались
Румяныя лица детей...

Мы говорили уже, что на Некрасова нельзя смотреть, какъ на певца исключительно крестьянского горя. Русскій крестьянинъ былъ въ его глазахъ лишь главной жертвой, а

крепостное право - лишь наиболее ярким проявлением царившего зла, и все забытые, все обездоленные одинаково имеют в нем своего певца и друга. Но среди жертв человеческого насилия, жестокости и невежества, быть может, наиболее беззащитной является женщина:

Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны У Бога самого!

И русская женщина на всех ступенях общественной лестницы нашла в лице Некрасова одного из самых пламенных своих адвокатов. Устами любимого героя (Гриши) Некрасов высказывает уверенность, что затерянные ключи от счастья женского будут все же когда-нибудь разысканы. ("Еще ты в семействе *покуда* раба, но мать уже вольного сына!").

Нарисованные им женские образы - одни из самых пленительных в русской литературе. Прежде всего это - образ собственной матери поэта, воспетой во множестве стихотворений и поэм; затем - Катерина из "Коробейников", Саша из поэмы того же названия, Дарья из "Мороза", княгини Трубецкая и Волконская, Матрена Тимофеевна из "Кому на Руси жить хорошо". Далее следуют героини мелких стихотворений: "Я посетил твое кладбище", "Памяти Асенковой", "Свобода", "В больнице", "Тяжелый крест достался ей на долю", "Дешевая покупка", "В полном разгаре страда", "Песня Любы"...

Рядом с женщиной не мало теплых страниц посвящено Некрасовым и детям.

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?--

с болью и ужасом спрашивал поэт, и в произведениях его то-и-дело встречаются - то глубоко-трогательные картинки из детской жизни, то негодующие обращения в обществе, которое недостаточно озабочено охраной этих беспомощных, беззащитных существ ("Морозь-Красный Нос", "Плач детей", "Несчастные" I ч., "О погоде", "Крестьянские дети", "Деревенские новости", "Демушва и "Волчица" в "Кому на Руси жить хорошо").

Специально для детей им написано и целый ряд всем известных и столь любимых детьми стихотворений.

"Любить *несчастливого* русский народ", писал поэт,-- и в его собственной душе тоже нашелся уголок для несчастных отверженцев человеческого общества. Кроме стихотворений "Еще тройка" и "Благодарение Господу Богу", у Некрасова есть целая большая поэма ("Несчастные"), посвященная ссылке и каторге. К сожалению, поэма эта, нестройная в целом (первая часть чисто-формально связана со второй), страдает крупными частными недостатками. Лицо, от имени которого ведется рассказ, до конца остается неясным и бледным; образ убитой женщины не выдержан: в I ч. - это "ангел в грозе и демон у пристани желанной", а во II ч. - "женщина пустая, с тряпичной дюжиной душой"... Растянность (особенно первой части) также вредит впечатлению. И при всем том, "Несчастные", благодаря проникающему их теплоту, гуманному чувству, массе поэтических подробностей, а главное - яркой и оригинальной фигуре Крота (Белинского), до сих пор остаются одной из популярнейших поэм Некрасова. Описывая каторгу задолго до появления "Записок из Мертвого Дома", Некрасов, естественно, сделал несколько крупных промахов в обрисовке этого совершенно неведомого тогда русскому обществу мира. Замечательно, однако, что поэтическим чутьем он сумел угадать некоторые чрезвычайно жизненные и правдивые черты из быта "Несчастных". Таково, например, страстное стремление арестантов в свету знания, их любовно-внимательное отношение к рассказам попавшего в их среду образованного человека:

Забыты буйныя проказы.
Наступить вечеръ - тишина,
И стали намъ его рассказы
Милей разгула и вина...
Никто сомкнуть не думалъ очи
И не промолвилъ ничего.
Онъ говорить - ему внимаемъ
И, полны новыхъ думъ, тогда
Свои оковы забываемъ
И тяжесть чернаго труда *).

*) Не забыты гуманнымъ поэтомъ даже животныя, такъ много страдающія отъ людской жестокости ("На улице", "О погоде", "Дедушка Мазай и вайци". "Соловьи").

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ мотивовъ Некрасовской поэзіи отметимъ еще чувство пробуждающагося человеческого достоинства у приниженаго и обезличенаго раба. Впервые былъ затронутъ Некрасовымъ этотъ мотивъ еще въ 1848 г. въ стихотвореніи "Вино" ("Безъ вины меня баринъ посеветъ, сагъ не знаю - что стало со мной..."), и къ нему не разъ возвращался онъ впоследствии: вспомнимъ, хотя бы, "На постояло" дворе" ("Изъ ночлеговъ") и своеобразное проявленіе того же чувства въ притче "Про холопа примернаго - Якова вернаго":

Крепко обидель холопа примернаго,
Якова вернаго.
Баринъ - холопъ задурилъ!

Полное духовное перерожденіе человека, нравственно, казалось, совершенно погибшаго, поэтъ рисуетъ намъ отчасти въ "Горе стараго Наума", особенно же ярко въ знаменитомъ "Власе", который какъ бы символизируетъ таящіяся въ русскомъ народе огромныя силы...

Рядомъ съ народною жизнью вниманіе Некрасова часто останавливается и на разныхъ теченіяхъ русской общественной жизни, на нарождающихся типахъ интеллигенціи. Въ лице Агарина передъ нами оригинальная разновидность Рудина; въ "Медвежьей охоте" - насмешливая характеристика русскаго "общественнаго мненія" и "либерализма"; въ "Современникахъ" - типы всевозможныхъ дельцовъ и аферистовъ (еще въ 1846 г. въ стихотвореніи "Секретъ" Некрасовъ крайне отрицательно отнесся къ зарождавшейся русской "буржуазіи"). Стихотворенія: "Песня Еремушке", "Она была исполнена печали", "Песня Любы", "Я сбросила мертвящія оковы" и пр. рисуютъ любопытныя общественныя настроенія иного характера. Гриша ("Пиръ на весь міръ") - представитель поколенія 70-хъ годовъ, которое несло въ народъ свои знанія и любовь... Поэтъ веритъ, что русская интеллигенція посеетъ добрыя семена на почве богатаго, но дремлющаго народнаго духа,-- и русскій народъ скажетъ ей "спасибо сердечное"...

Намъ остается отметить рядъ наиболее проникновенныхъ и трогательныхъ стихотвореній Некрасова, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на роль писателя вообще и свое писательское призваніе въ частности. Назначеніе поэта, по его мненію,-- "напоминать человеку высокое призваніе его", чтобъ "человекъ не мертвыми очами могъ созерцать добро и красоту".

Казня корысть, убійство, святотатство,
Сорви венцы съ предательскихъ головъ!

Таковъ идеаль поэта-гражданина, поэта-бойца, который рисуется Некрасову въ его задушевнейшихъ мечтаніяхъ, но который для себя самого онъ считаетъ недосягаемымъ.

Мне борьба мешала быть поэтомъ,
Песня мне мешала быть бойцомъ.

Идея эта съ особенной настойчивостью высказана въ известномъ діалогѣ "Поэтъ и гражданинъ". Смелый призывъ гражданина: "Въ такое время стыдно спать!" - встречается въ душѣ поэта одно отчаяніе. Въ свободномъ слове есть отрада,-- соглашается онъ,-- но дело въ томъ, что лира его никогда не была свободной: при первыхъ же звукахъ ей пришлось умолкнуть... А гибнуть - не хватило мужества:

Лукаво жизнь впередъ манила,
Какъ моря вольныя струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшія свои,--
Душа пугливо отступила...

.....
Склонила муза ликъ печальный
И, тихо зарыдавъ, ушла.

Потому что "шелъ одинъ венокъ терновый къ ея угрюмой красоте"...

Самооценка, несомненно, крайне субъективная и несправедливая, но характерно, что она проходитъ яркою нитью черезъ всю поэзію Некрасова. Самодовольство ей чуждо, противно,-- черта, которая делаетъ нравственный обливъ поэта особенно симпатичнымъ и привлекательнымъ. Только въ очень редкихъ, исключительныхъ случаяхъ съ лиры его срывается гордый, счастливый звукъ: поэтъ сознаетъ, что по мере силъ выполнилъ свою великую миссію служенія народу... Таково предсмертное стихотвореніе:

О, муза! я у двери гроба!
Пуская я много виновать,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба,--
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,
Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій взглянетъ безъ любви
На эту бледную, въ крови,
Кнудомъ изсеченную музу...